

The Well and The Stars by Dimitri Psurtsev (translated by Philip Metres)

What's been bequeathed to me: a bike rich
with squeaks of saddle and pedals, a beautiful attic
of dead flies with reddened spruce uprights and rafters,
a relay race of dog-barking from under the neighbor's gates,
a rumble of the highway behind the forest growing as night
grows wetter, and sometimes radiant
solid stars along the apple tree, hanging along the roof,
and what's more, a two-ringed well
of unpotable water.

I spoke to this house as it stood patiently with clapboard gables
black from the rain and weather, charmed it
somehow with a strange spell: "swim on!"
—like, don't stay in the past, don't collapse.
It obeyed, swimming. Was plastered, painted.
The roof, still, remained overdue for replacement,
and half the house would need the foundation remade.

How is all this not a metaphor
of our whole life? We do so little
on our own, by ourselves.
We putter and patch, putter and patch
someone's old rigid wings, and we flutter
with them by the power
of our own prayers, golden spells.
And then suddenly we fall
into prehistoric phloxes, or in the peonies
that settled here before our time,
and we lie like Vrubel's Daemon Downcast,
staring depressed with a pointlessly
bulging gaze who knows where.
We don't have much pain in our bodies.
We just aren't here anymore.
Only the well and the stars
remember us.

Колодец да звёзды

Мне достался в наследство
Велосипед с богатыми скрипами седла и педалей,
И прекрасный в дохлых мухах чердак
С красными еловыми стойками и стропилами,
Эстафета собачьего лая из-под соседских калиток,
Нарастающий к влажной ночи гул шоссе из-за леса,
Да порою лучистые, твёрдые звёзды
По-над яблоней, по-над крышей,
Да ещё в два кольца колодец, не для питья.

Говорил я этому дому, пока он стоял терпеливо
С фронтонами из вагонки, чёрными от дождей, от погоды,
Заклинал его почему-то странным словом: «Вплывай!»,
Мол, не оставайся в прошлом, не рушья.
Он послушался, «вплыл», был оштукатурен, покрашен.
Крышу только не перекрыли, а надо бы,
И ещё у пол-дома переделать фундамент.

Чем всё это не «метафора» всей нашей жизни?
Мы так мало делаем своего, от себя.
Мы латаем, латаем, латаем
Чьи-то старые жёсткие крылья, и летаем, летаем на них
Силой собственных молитв, золотых заклинаний.
А потом вдруг падаем в доисторические флоксы,
Иль в пеоны, здесь поселившиеся до нашей эры,
И лежим как «демон поверженный», уставясь обиженным
И бессмысленно-выпуклым оком неизвестно куда.
Нам не очень физически больно.
Просто нас уже нет. И нас помнят
Лишь колодец да звёзды.